

Пока орел бил крыльями и готовился к полету, Рук дал мне совет, о котором он, видимо, забыл упомянуть до сих пор:

— Что бы ты ни делал, никогда не открывай рот во время полета.

Когда орел оторвался от земли, на меня обрушилась такая сила тяжести, какой я еще никогда не испытывал. Это было не постоянное ускорение самолета, а скорее волны ускорения, возникающие с каждым взмахом крыльев. Набрав высоту, орел увеличил скорость несколькими мощными взмахами крыльев, и вот он уже летит по-настоящему.

Вид внизу менялся с головокружительной быстротой. В мгновение ока мы пересекли холмы и небольшую речку. Мы пронеслись в плотном воздушном пространстве, едва не задев верхушки хвойных деревьев внизу. Затем угол наклона крыльев птицы внезапно изменился, и мы взмыли прямо вверх, все выше и выше в воздух.

Мы взмыли на высоту высотного здания. Не загораживаемые ни высокими деревьями, ни изгибом планеты, перед нами открылась панорама мира. Казалось, что облака вобрали в себя всю влагу с неба. Воздух был чист, насколько хватало глаз, и даже далекие пейзажи выглядели четкими. Это было прекрасно.

Это не было похоже на видение мира из маленького иллюминатора самолета или со смотровой площадки на вершине горы. Это была постоянно меняющаяся панорама, открывающаяся во всех направлениях. Куда бы я ни посмотрел, все было ясно, и мир захватывал дух.

После того как мы некоторое время полетали по кругу, Рук снова взялся за поводья, и орел начал выполнять воздушные маневры с грациозными движениями. Он перевернулся в воздухе, перевернув весь мир. Когда вес моего тела перестал удерживать меня в седле, я почувствовал, что меня поддерживает страховочная привязь на талии.

Мгновение спустя мой вес уже не поддерживался ремнями, и мы перешли в свободное падение. Я потерял из виду небо и горизонт. Вскоре в поле моего зрения попала земля. Мы падали, и скоро мы врежемся в землю. Первобытный страх заполнил мое сознание, повергнув меня в панику.

Но свободное падение длилось всего несколько секунд. Крылья орла изменили угол наклона и снова подхватили ветер, плавно переводя птицу в горизонтальную траекторию полета. К моменту полного выравнивания мы все еще находились на значительной высоте над землей.

Мы летели, наверное, минут двадцать, когда внизу показались знакомые здания - это было ранчо, с которого мы отправились в путь. Я совершенно потерял представление о том, где мы находимся, но Рук, видимо, знал точно.

Орел снижался так быстро, что я подумал, что мы можем разбиться. Перед самым приземлением он несколько раз взмахнул крыльями, чтобы включить аварийный тормоз, и

наконец мягко опустился на землю.

— Фух, — вздохнул Рук, сидя у меня над головой. Он начал снимать страховочные ремни.

Раздался звук лязгающей арматуры. Рук освободился меньше чем за минуту, и тут же начал снимать и мои ремни.

Рук первым слез с королевского орла и сказал:

— Твой отец уже здесь, чтобы поймать тебя, так что просто прыгай вниз.

Я на мгновение замешкался, но затем прыгнул с седла. Верный своему слову, Рук поймал меня и поставил на землю.

— Ну как? — спросил Рук, его глаза были полны предвкушения.

— Потрясающе, — ответил я, рассказывая ему о своих искренних чувствах. — Это был невероятный опыт.

— Рад это слышать, — сказал Рук с облегчением. — Похоже, с тобой все будет в порядке.

— Что ты имеешь в виду?

— Орлы. Некоторые люди просто не могут привыкнуть ездить на орле, что бы они ни делали. Им нужно, чтобы обе ноги твердо стояли на земле.

Ах. Когда детям исполняется три года... В это время их проверяют, как они справятся с этим. У того, кто боится высоты, не будет никаких шансов.

— Я думаю, что я справлюсь с полетом. Но не знаю, буду ли я опытным наездником.

— Не волнуйся, я вижу, что у тебя есть потенциал, — успокоил меня Рук. — И если я так говорю, то ты знаешь, что это правда.

— Правда?

Когда кто-то из членов семьи говорил что-то подобное, меня охватывало чувство счастья и смущения, которое казалось неправильным для человека моего возраста. Во время моей жизни в Японии мои родители не были людьми, которые бы так хвалили своего сына. Я даже не знал о местонахождении одного из своих родителей. Что касается второго, то мы с ним в конце концов разорвали контакт и больше никогда не общались. Теперь мне казалось, что мой

умственный возраст уменьшился, чтобы сравняться с моим телом. Похвала Рука тронула меня, и мне пришлось быстро отреагировать, чтобы сдержать подступающие слезы.

— Неужели все начинают тренироваться в таком юном возрасте?

— Тебе не понравилось?

— Я совсем не это имел в виду. Просто трудно представить, что все так делают.

— Ну, трехлетний возраст - это просто наша семейная традиция, но все должны начинать с малых лет. Ты никогда не станешь небесным рыцарем, если не научишься ездить в одиночку до того, как станешь совсем взрослым.

Он хочет сказать, что я не смогу ездить на королевском орле, если не буду тренироваться в детстве? Это грустная мысль. Эти королевские орлы, должно быть, ценные существа. Они питаются мясом, поэтому, наверное, стоят даже дороже, чем лошади. Если начинать обучение в детстве, то только люди из самых богатых семей получают возможность ездить на них.

— Почему так? Почему человек не может решить учиться, повзрослев? — спросил я.

Вроде того, как в качестве хобби можно летать на легких самолетах.

— Потому что королевский орел не может летать с двумя взрослыми на спине. Это слишком большой вес.

Серьезно? Это звучит как жесткое ограничение по весу.

— А как же тогда толстые люди?

— Ха-ха, — рассмеялся Рук. — Толстых небесных рыцарей не бывает.

Ты не сможешь ездить на них, если растолстеешь? Тогда я полагаю, что стройное, мускулистое телосложение Рука - идеальный вариант.

— Есть те, кто вырастает и потом хочет ездить на королевском орле, как ты говоришь - например, купцы, которые разбогатели благодаря удачной сделке. И... скажем так, все идет не очень хорошо.

Наверное, он тщательно подбирает слова, чтобы не напугать меня. Держу пари, они разбились и погибли.

— Ты никогда не должна ездить одна, пока не получишь разрешения, — предупредил Рук. Выражение его лица из лица человека, рассуждающего на любимую тему, превратилось в лицо взрослого, переживающего за своего ребенка.

— Я понимаю. Я не забуду об этом.

На сегодня мы закончили, и поехали домой на равнине. Всю дорогу я думал только об одном: о королевском орле.

Время шло, и когда мне исполнилось четыре года, я за обеденным столом обратился к родителям с просьбой.

— Можно мне в этом году на день рождения подарить пустую книгу? Желательно с большим количеством страниц.

Это был первый раз, когда я просил родителей о чем-то. На мгновение они оба удивились, но потом Рук нахмурился.

— Юри, а что ты будешь делать с такой штукой? — спросил он.

— Это для дневника... Я хочу записывать свои мысли.

— О, — воскликнул Рук, повернувшись к Судзуе. — Он уже умеет писать, да?

— Конечно, — ответила она. — Собственно, мне больше нечему его учить.

Судзуя была моим учителем языка, но больше мне нечему было у нее учиться. Но это не значит, что я безусловно владела языком - просто знания моей мамы были ограничены.

Судзуя выросла на ферме, а Рук была потомком дворянства. Ферма ее семьи не была особенно процветающей, а ее фамилия даже не была известна в округе. Она была выходцем из обычной сельскохозяйственной среды и росла как любой крестьянин.

Крестьяне в этой стране не ходили в школу, а религиозные учреждения не давали им никакого образования. По крайней мере, в той местности, где выросла Судзуя, не существовало никакой

системы образования. Вероятно, она научилась читать и писать после того, как вышла замуж за Рука - необычный для этих мест брак, заключенный по любви, - пока они наслаждались жизнью молодоженов. Она могла написать свое имя и без труда читала указатели на обочине дороги или циркулярные извещения, которые мы иногда получали, но она не была ученым. Рук формально был дворянином, поэтому в нашем доме хранилось несколько книг по юриспруденции и несколько простых книг по истории, но Сузуя не могла их читать, потому что в них использовались сложные слова.

Во всяком случае, мне нужна была чистая книга, чтобы я мог записать знания из своей жизни в Японии, пока мои воспоминания не поблекли и не были потеряны навсегда.

— Пожалуйста. Если вы купите мне ее, я не буду просить подарков на день рождения ни в следующем, ни в последующих годах, — умолял я, низко склонив голову.

— Дело в том, что книги стоят гораздо дороже, чем ты думаешь, — ответил Рук. Я почувствовал, что его тон перешел в режим фирменной лекции от отца.

— Ты прав... — в такие моменты мне оставалось только изображать из себя покорного.

— Не то чтобы я был против покупки, просто мы говорим не об игрушке. Если ты собираешься просто черкать в ней, то она не стоит этих денег.

Рук был абсолютно прав. Бумага здесь была совсем не похожа на бумагу для принтеров или традиционную васи, которую можно встретить в Японии. Все, что здесь было, - это пергамент, изготовленный путем снятия меха со шкуры животного. Шкуры животных продавались как мех в том виде, в каком они были, а для изготовления пергамента требовалось снять шерсть, соскоблить поверхность, чтобы получился тонкий лист, а затем разрезать его на квадраты.

Нет необходимости говорить о том, что стопка листов, на изготовление которых было затрачено столько труда, будет стоить дорого, если их переплести в книгу. Я не знал, сколько точно они стоят, но, по моим расчетам, на изготовление одной книги уходило около десяти шкур, так что я не удивился бы, если бы их стоимость составляла где-то от четырех до пяти сот тысяч японских иен. Понятно, что чистые книги стоили дешевле, поскольку никто не тратил время на написание текста внутри, но все равно они стоили бы довольно дорого.

Я не просил что-то такое дешевое, как новая игровая приставка. Вряд ли многие родители стали бы покупать такую дорогую вещь по просьбе четырехлетнего ребенка, который, скорее всего, все равно не будет ею пользоваться. Я сказал, что буду использовать ее как дневник, но большинство родителей, решив, что ребенок будет использовать ее для своих каракулей, скажут, чтобы он просто рисовал на дереве.

Но я, несмотря ни на что, очень хотел.

К счастью, мама меня поддержала.

— Дорогой, давай купим ему. Юри всегда делает работу по дому. Я никогда не знала, чтобы он чего-то так сильно хотел.

Правильно. Скажи ему.

— Я знаю, — сказал Рук, — но книга обойдется нам в четыре-пять тысяч лугов.

— О... Так много? — Судзую выглядела удивленной.

Может быть, удивление - это слишком мягко сказано: удивление или ага, наверное, лучше описать ее выражение.

До этого момента я жил в глуши и никогда не ходил по магазинам, поэтому не знал, сколько это - четыре тысячи лугов. Мне стало интересно, сколько буханок хлеба мы сможем купить на эту сумму.

— Да, — продолжал Рук. — Только подумай, какую гору игрушек мы могли бы купить на несколько тысяч руг. Зачем тратить все это на книгу?

— Я хорошо подумал и решил, что мне не нужны игрушки, — сказал я ему.

Игрушки - это последнее, что мне нужно. Они все будут деревянными блоками или чем-то еще.

— Пожалуйста, — упорствовал я. — Я буду делать любую работу по дому, которую ты мне поручишь. И я обещаю, что не буду тратить страницы впустую.

— Ты уверен? — спросил Рук.

О?!

— Абсолютно уверен. — Я постарался выглядеть как можно серьезнее, хотя вряд ли мое маленькое лицо произвело впечатление.

— Хорошо... — согласился Рук. — Для начала ты можешь потрудиться, чтобы помочь маме. Скоро я попрошу тебя помогать и на ранчо. Пообещай, что будешь делать эти вещи, и я куплю ее.

— Правда? Обещаю. — я без раздумий согласился. У меня закончились новые слова, которые нужно было выучить, поэтому дома мне все равно было скучно.

— Ты правда обещаешь? — папа не выглядел убежденным. — Это мужское обещание.

— Дорогой, ты слишком много волнуешься. — мама снова пришла мне на помощь. — Юри из тех мальчиков, которые выполняют свои обещания.

Судя по тону ее голоса, она была полностью уверена во мне. Это уже само по себе настораживало - если уж на то пошло, я был ничтожеством.

— Да? — ответил Рук.

— Ты ведь будешь покупать книгу в столице, не так ли? Почему бы в следующий раз не взять с собой Юри? — предложила Сузуя.

— В Сибьяк? — спросил он.

— Это первый раз, когда Юри просит о чем-то, так что он, должно быть, действительно этого хочет. Если это так, то я думаю, что лучше, чтобы он сам выбрал это. Мне бы не хотелось, чтобы он был разочарован, если ты придешь домой не с той вещью.

Хорошее подспорье. Мама абсолютно права. Иначе он может взять эквивалент книжки-раскраски, когда мне нужен чистый журнал.

— Это хорошая мысль. Это будет хороший шанс показать Юри город... На следующей неделе я буду доставлять королевского орла. Может, тогда и поедем?

Серьезно?

Я только что слышал, как они употребили слово "Сибьяк", которое, если мне не изменяет память, было названием королевской столицы нашей страны.

Я поеду в столицу? Это больше, чем я надеялся.

— Я буду очень рад. Пожалуйста, возьмите меня с собой. И спасибо. — я расплылся в улыбке, не успев остановиться.

Увидев ухмылку на лице сына, родители тепло улыбнулись в ответ.

<http://tl.rulate.ru/book/36321/3432438>